Моей семье с любовью

Глава 1

В то лето жара окутала весь Шахкот тяжелой желтой дымкой. Хаотичный беспорядок крыш домов и веревок для белья, обычно различимый до самых предгорий на горизонте, стал расплывчатым и сливался с пыльным небом.

“Проблема вызвана скоплением перегревшихся облаков, — прочел мистер Чавла в газете. — Все это является результатом выброса пепла во время последней вспышки вулканической активности на Огненной Земле”.

А немного позже мистер Чавла пересказывал каждому, кто хотел слушать: “Проблема вызвана течениями вдоль берегов Восточной Африки и необъяснимым движением молекул, которое наблюдается в полярных льдах”.

А также: “Ирак предпринимает попытку похитить муссон, намеренно создавая низкое давление над пустынными провинциями и отклоняя ветра от Индии”.

И даже: “Венгерский музыкант предлагает притянуть дождевые тучи из Европы в Индию игрой на флейте”.

— Почему они не могут подумать о серьезных решениях? — спрашивал мистер Чавла. — Слишком жарко, чтобы валять дурака с венгерскими музыкантами.

Шахкот мог похвастать одними из самых высоких температур в стране, и идеи по привлечению муссона возни-

кали здесь дюжинами. Мистер Чавла самолично представил в Департамент лесного хозяйства проект вырубки и последующей высадки растительности по определенным схемам. Армия предложила разгонять и притягивать облака при помощи реактивных самолетов, летящих в особом геометрическом строю. Полиция порекомендовала храмовым священникам провести свадьбу лягушек. Университетский профессор Вермаджи изобрел гигантский веер, который, по его замыслу, должен был пригонять облака южного муссона, создавая аэродинамическую трубу, идущую к северу по направлению к Гималаям, и просил Совет по электроснабжению предоставить достаточно энергии, чтобы опробовать свой проект. Ученые-любители — от мистера Барналы из "Портных Галли" до мисс Райны из района Сайник-Фармс — участвовали в промышленных ярмарках, где демонстрировали инструменты, испускающие магнитные лучи и громкие жужжащие звуки. Все в городе тревожились. Уровень ртути на градуснике полицейского участка превысил те значения, которые сочли нужным нанести на шкалу в компании-производителе "Счастливая погода, Капур и сыновья", и превзошел все ожидания, фантазии и даже предсказания Аммаджи, матери мистера Чавлы, которой нравилось думать, будто она точно знает, что случится в будущем.

То было лето, посылавшее в небо лихорадочную пульсацию жары, когда даже правила и законы, обычно строго соблюдавшиеся, ослабли, словно растения под полуденным солнцем. Жара растопила дороги, превращая их в липкие лужи глины, и растворила жир на усах бригадира, так что они повисли и выпрямились, портя впечатление от его аккуратной, вылощенной внешности. Из-за солнца дочь семейства Малхотра стала слишком смуглой, чтобы ее можно было удачно выдать замуж. Вода брызгалась кипятком из крана — если вообще лилась. Пчелы летали пьяными

от забродившего нектара; полицейские целыми днями спали в банановых рощах; местный судья подкупил представителя службы иммиграции и уехал к своему брату в Копенгаген. Иностранцы в туристических автобусах разворачивались и ехали домой, тогда как жители Шахкота спорили за место под потолочными вентиляторами, отходя только на пару минут по крайней необходимости и поспешно возвращаясь. На рынке горожане совершали набеги на лавки в поисках вееров из пальмовых листьев и скупали серые брикеты льда, дымящиеся, как костерки. Они прислоняли головы к прохладным дыням перед тем, как их нарезать, между глотками прижимали к щекам и ко лбу стаканы, обмахивались у плиты пучками шпината, с неохотой прекращая это занятие, чтобы пустить зелень на ужин.

Проходили недели, но муссон все не начинался. И к сентябрю все потеряли надежду.

Именно тем летом Сампат Чавла родился у своей матери, Кульфи. Той был двадцать один год, она недавно вышла замуж за мистера Чавлу и забеременела. К концу сентября жара и отсутствие дождей привели к ужасной засухе. Чем было жарче, тем огромнее становилась Кульфи. Все было настолько плохо, что Красный Крест организовал к востоку от Шахкота лагеря для голодающих. Самолеты с припасами пролетали прямо над базаром, и жители Шахкота глядели на них, задрав головы, и спрашивали себя: почему же припасы не летят к ним, ведь шахкотийцы страдают не меньше и заслуживают, чтобы о них заботились так же. Продовольственный магазин распределял рис и чечевицу все меньшими и меньшими порциями. Фрукты нигде нельзя было найти, овощи — с большим трудом. Цены так взлетели, что никто не покупал тощих кур, сидевших в клетке у мясной лавки. В конце концов несчастному

мяснику самому приходилось их есть, и, покончив с последней, он был вынужден стать вегетарианцем, как и все остальные в городе.

В те месяцы Кульфи стала такой гигантской, что казалось, будто она забирает себе всю энергию земли, высасывая ее досуха и оставляя иссохшей, сморщенной и пожелтевшей. Люди застывали в изумлении, когда Кульфи проходила по улице. До чего же она была необъятной! Они забывали о своих делах на почти пустом рынке. Они чуть не падали со своих велосипедов, оглядываясь, чтобы вновь посмотреть на этот живот, выступающий вперед, как монструозный нарост на стройном дереве. Ее глаза были такими мрачными, темными и яростными, что те, кто оглядывался на нее, поспешно отводили взгляд: им отчего-то становилось неудобно и не по себе. Не замечая их, она шла мимо, как будто вокруг никого не было. Ее лицо, очертания рта и подбородка выражали сосредоточенность и решительность, но вместе с тем — отрешенность и отстраненность, словно все ее мысли были обращены к чему-то, чего никто, кроме нее, не видел. Такая рассеянная, такая странная, она шагала по Шахкоту.

— А чего вы ждали? — оправдываясь, говорила Аммаджи, ее свекровь, когда любопытные соседи спрашивали о душевном состоянии Кульфи. — Чего вы ждете от женщины, у которой в животе ребенок, словно маленькая рыбка?

Но Кульфи не думала о ребенке в своем животе как о маленькой рыбке. Она думала о самой рыбе. О разных сортах рыб. О рыбе, такой крупной и такой вкусной, способной утолить голод, накрывавший Кульфи в последние месяцы, подобно волне. Она думала о рыбных карри и рыбных кебабах. О помфрете, бекти, рухи[1]. О креветках. Об упругих

1 Помфрет — вид морских лучеперых рыб семейства ставридовых. Бекти — азиатский морской окунь. Рухи — вид рыб семейства карповых, обитающий в реках Южной Азии. *(Здесь и далее, если не указано иное, — прим. перев.)*

мидиях. Она думала об обильной еде во всех видах. О пажитнике и верблюжьем молоке, батате и кукурузе. О манго, кокосах и яблоках с заварным кремом. О грибах, раскрывающихся, как зонтики, в сезон муссона. Об орехах, сморщенных в своей скорлупе, с коричневой кожицей и молочным ядрышком.

Дом был слишком мал, чтобы вместить все ее желания. Она брела из крошечной голубой спальни в кухню, пропахшую керосином, огибая стол и стулья, шагала вверх и вниз по балкону, вниз по лестнице, мимо комнат соседей, которые при виде ее качали головами, затем обходила вокруг дерева джамун посреди двора.

— О боги, что станется с этой женщиной? — говорили Лакшмиджи, Райпуры, бенгальский учитель и все те, кто наблюдал из окна, сплетничал у чайного прилавка или поедал в гостях арахис.

— В ней всегда было что-то странное, — говорили они. — Это было заметно, как только она появилась в Шахкоте.

Один только рис и чечевица не могли утолить голод, который рос внутри Кульфи; она подкупала продавцов овощей, и продавцов фруктов, и мясника отрезами шелка, вышивками, атласной нижней юбкой, оправленной в золото серьгой, серебряными щипцами для орехов, частицами своего приданого, которые еще не были заложены. Она подкупала их, пока им не стало больше нечего ей дать. К этому времени ее голод стал неистовым, он был как большой рыскающий зверь. Ей представлялись крупные, фиолетовые, хрустящие баклажаны, которые размягчаются и развариваются в кастрюле. “Дамские пальчики”[1], приправленные тамариндом и кориандром. Курица, тушенная с гвоздикой и кардамоном. Кульфи представляла, как рубит, варит, жарит, нарезает, помешивает и трет.

1 Здесь имеется в виду растение под названием бамия.

— Что такое она делает? — кричал мистер Чавла, глядя, как его жена снова и снова идет по дороге к рыночной площади, видя, как пустеют в доме шкафы, как пропадают вещи, как на полках появляются бреши.

— На ком ты меня женила, Амма? — яростно спрашивал он свою мать, которая также выглядела обеспокоенной. Однако, будучи в ответе за этот брак, Аммаджи, насколько возможно, дистанцировалась от собственной тревоги, прищелкивала языком и успокаивающе говорила:

— Кульфи в очень деликатном положении. Подожди немного, и, может быть, это у нее пройдет.

— Пройдет! — фыркал мистер Чавла. — Не пройдет. И если ребенок пойдет в нее, нас ждет беда.

Странности — такие, как боли и недомогания, приступы плача и апатии, — всегда вызывали у него неудобство, и он боялся этих бесконтрольных, неаккуратных проявлений жизни, липкой человечности обстоятельств. Он собирался свести свою причастность к подобным явлениям до минимума, твердо продвигаясь в направлении чистоты и порядка. Он пошел в публичную библиотеку, чтобы поискать книги о младенцах, и отстоял очередь перед школой при миссии, чтобы записать ребенка заранее, так как знал, насколько длинны списки ожидающих. Он забирал витамины и тонизирующие средства из государственной клиники.

— Надо кипятить воду для питья в течение двадцати минут.

Он ходил по дому по пятам за Кульфи, читая вслух библиотечную книгу, а жена его игнорировала. Он поднимал в воздух палец. Несмотря на молодой возраст, он чувствовал мощную тягу к власти.

— Ты должна садиться и отдыхать после любой нагрузки, — советовал он.

Или же:

— Ты должна регулярно вставать и добросовестно делать упражнения.

Или:

— Не ешь больше сырых фруктов.

Или:

— Не пой песен и не утомляйся. Не пей чаю на пустой желудок. Соблюдай особую чистоту. Почаще мой голову, ложись отдохнуть днем, поднимай ноги и делай велосипедные движения.

Он вытирал платком пот со лба и продолжал ходить за женой, хотя было ясно, что ту не интересуют слова мужа.

У Аммаджи были свои идеи о том, как ухаживать за беременными. Она суетилась с подушками и травами, головными щетками и бутылками резко пахнущих массажных масел.

— Пой песни, чтобы у ребенка было хорошее настроение, — говорила она. — Ходи в храм. Читай правильные молитвы. Убедись, что ребенок здоров. Убедись, что расположение планет благоприятно. Проверь, чтобы у тебя не было вшей. Позаботься, чтобы от тебя хорошо пахло, тогда и ребенок будет хорошо пахнуть.

Все в доме будто сделали вдох и задержали дыхание до того момента, когда ребенок родится и можно будет выдохнуть — с радостью, если это мальчик, и с разочарованием и грустью, если нет.

Сампат в животе у Кульфи сначала вел себя тихо, как будто его там и не было. Затем, словно проснувшись, он осмелел и оживился: так, что стал толкаться, поворачиваться и даже прыгать. Кульфи ходила взад-вперед, взад-вперед, держа руки на животе, и думала, что скоро начнет кричать и что, хочет того или не хочет, не перестанет кричать до самых родов, а может, и после. Ее живот становился еще больше, мечты о еде — еще сумасброднее. Дом как будто съеживался. Раскаленное лето вокруг нее расширялось до бескрайних пределов. Наконец, отчаянно желая сменить обстановку, она отыскала в глубине

шкафа коробку старых карандашей и почти истерически начала рисовать на грязных стенах дома. Она рисовала вокруг детских фотографий, развешанных Аммаджи. На фотографиях дети поедали овсянку, позировали с куклами и пушистыми желтыми цыплятами, пытались кувыркаться. Эти толстые, светлокожие дети мужского пола, как надеялась Аммаджи, каким-то образом, в результате некоего таинственного осмотического процесса, повлияют на формирование ее внука. Кульфи рисовала вокруг этих фотографий, а иногда и прямо на них. Она рисовала пруд, темный, но полный разноцветных рыбок. Поле ярких ананасов и бледных висящих змеиных тыкв. Огромный тяжелый джекфрут на джекфрутовом дереве и роющуюся в земле стайку цыплят. Ее муж и свекровь в ужасе отступали, чтобы не расстраивать ее и ребенка, который еще был в ней, и она рисовала строй поваров, отрубающих головы козлам. Поваров, бегущих к рынку, заваленному товарами. Других, стоящих с черпаками у кипящих котлов или измельчающих специи на жернове. Она рисовала ползучие побеги и виноградные лозы, забирающиеся в окно и рассыпающие по стенам массу листьев. Она начала изображать фрукты, которых не знала; еще неведомые пряности, прячущиеся в стручках или в сердцевине неизвестных цветов. Она рисовала блюда, которых никогда не ела: черного оленя, подвешенного над огнем с набором ингредиентов, которые должны были довести кушанье до совершенства; павлина, скачущего среди зубчиков чеснока; кабана, застрявшего в зарослях папайи. У нее под ногами вырастали крупные луковицы; из досок пола пробивались ползучие побеги; рыба плавала под дверями.

Из соседней комнаты слышно было, как мистер Чавла ходит взад-вперед.

— Во что это мы влипли?

И звук шепота Аммаджи:

— Подожди немножко, сынок, а там видно будет.

Снаружи в пустынном небе был слышен гул самолетов Красного Креста.

Когда больше почти не осталось места для рисования, когда стены, пол и потолок были покрыты рисунками и заполнены до отказа, Сампат появился на свет. И он родился при столь знаменательных обстоятельствах, что они навсегда запомнились жителям Шахкота.

Однажды Кульфи сидела у окна спальни и глядела на улицу, готовясь сидеть еще бесконечно долго, пока Аммаджи наконец не приготовит и не подаст ей обед. Внезапно тень пала на солнце, и, словно по волшебству, так быстро, как зимний день переходит в серый вечер и затем в ночь, белый свет дня поблек до оттенка старого пергамента и небо потемнело. Из каждого окна вздулись белыми парусами занавески.

Ветер гнал по темным, цвета индиго улицам обрывки газет и старых пластиковых пакетов.

— Смотрите! — закричала Кульфи. — Будет дождь!

Она слышала радостные крики с базара. Она смотрела, как дети на улицах прыгают, словно лягушки, не в силах стоять на месте от возбуждения.

— Становится холодно! — кричали они и изображали дрожь. — Пойдет дождь!

Они боролись друг с другом в бурном веселье, тогда как взрослые спешили при этом меняющемся, неверном свете добраться до рынка и обратно, занести в дом выстиранные вещи и детские кроватки на веревочках. Горожане приветствовали друзей, воздевая руки:

— Наконец-то! Муссон!

Кто знает, случилось ли это благодаря гигантскому вееру, могуществу стихий, свадьбе лягушек, Крысолову или

волшебству магии? Какая разница? Дождь пришел в Шахкот. Муссон был в городе. Кульфи с восторгом наблюдала, как подступающий запах дождя, словно цветок, освежил воздух, как с востока собрались тучи, доползли до деревьев на окраине и накрыли город.

Дома мистер Чавла суетился с полиэтиленовыми пленками, а Аммаджи выставляла на улицу ведра для сбора дождевой воды и вытаскивала свечи и керосиновые лампы, готовясь к неминуемому отключению электричества. Иногда они приостанавливались, чтобы проверить силу ветра на своих щеках, смотрели вверх, чтобы проследить за движением туч. Когда они наконец были готовы к ливню, они стали смотреть из окон, так же как Кульфи и остальные жители Шахкота, наклоняясь с балконов и веранд, из-под откидных створок моторикш; весь город ждал с тревожными, поднятыми к небу глазами, пока особенно сильный порыв ветра не взметнул листья, как птиц перед выстрелом, и не принес первые капли дождя, громко застучавшие по иссушенной почве.

Кульфи смотрела на дождь. Он пошел быстро, а потом еще быстрее. Он заполнил каждую пядь неба. Шум этого дождя не был похож ни на какой другой звук на земле, и уж вовсе не напоминал тонкие струйки из-под кранов Шахкота. Сначала дождь был черным от пыли с неба и грязи с деревьев, а затем очистился. Но звук становился все громче. Кульфи протянула руки, чтобы ощутить тяжесть капель на раскрытых ладонях, а затем запрокинула лицо светящееся, бледное, в этом городе, замкнутом в темном сердце муссона.

Когда она это сделала, то почувствовала, как у нее в животе толкнулся Сампат. Ее сердце подскочило в такт. Он толкался сильнее и сильнее. Дерево джамун во дворе качалось и скрипело. Дождь струился по волосам Кульфи и омывал ее лицо. Ее муж крикнул:

— Уйди от открытого окна!

Она не обратила внимания. Он закутал ее в полиэтиленовую пленку, но она сбросила ее с плеч. Дождь хлестал потоками.

Соседи быстро попрятались от дождя, захлопнули окна, затворили двери, но Кульфи высовывалась все дальше и дальше, пока дождь полностью не завладел ее мыслями. Он захватил ее мозг, управляя им и подчиняя шуму льющейся воды, пока Кульфи не почувствовала, что может сама превратиться в шторм и раствориться в этих порывах ветра, раскатах грома, вспышках молний, мгновенных, как трепет крыльев бабочки. Если бы только она могла отпустить металлическую оконную раму, она бы скомкала все эти тягучие летние дни и растоптала их, превратила в воду, ветер и грохот.

Она почувствовала, как сократились ее мускулы, когда раскат грома раздался рядом с ней. Гром зарычал вновь. Промокшая до нитки Кульфи широко раскрыла рот и зарычала в ответ. Земля внизу исчезла. Вода образовывала запруды, сливалась в озера и бежала по улицам, подобно рекам. Дороги превращались в потоки.

Примерно через два часа, на протяжении которых мистер Чавла и Аммаджи носились туда-сюда с тряпками и горячей водой, а буря продолжала бушевать и дождь заливался в то и дело распахивающиеся окна и затекал под двери, родился Сампат. Как только под приветственные крики семьи на свет показалось его личико с коричневым родимым пятном на одной щеке, над головой раздался рев, почти порвавший барабанные перепонки, за которым последовал оглушительный грохот на улице снаружи.

— Что это? — нервно сказал мистер Чавла, когда земля содрогнулась. Возможно ли, чтобы рождение его сына совпало с концом света? Оставив Кульфи и новорожденного младенца, они с Аммаджи подбежали к окну, чтобы посмо-

треть, и поняли, что это был далеко еще не конец света, а скорее его начало.

Они увидели, что в их старом дереве джамун застрял ящик с припасами Красного Креста, сброшенный шведским самолетом с гуманитарной помощью, который попал в шторм, несомненно, по воле богов. Улетающий самолет взлетел в небо и исчез среди клубящихся туч с очевидным равнодушием к жителям города, которые прыгали и махали внизу, выбежав из домов, несмотря на ливень, чтобы порадоваться этой нежданной щедрости. Среди листвы погубленного джамуна мистер Чавла и Аммаджи обнаружили контейнеры, полные сахара и чая, смесей для регидратации, сухого молока, изюма и злакового печенья. Там были и непонятные порошки в пакетиках с изображениями улыбающихся иностранок, орехи, сладости и множество жестяных банок с детским питанием.

Взбираясь высоко на дерево, уличные мальчишки сбрасывали вниз то, что находили среди сломанных ветвей. Мистер Чавла бегал взад-вперед, словно заполошная курица, набивая продуктовую сумку припасами, в то время как Аммаджи из окна возле постели Кульфи громогласно извещала соседей о рождении внука. Вскоре дом заполнили возбужденно болтающие доброжелатели, не знающие, говорить ли о ребенке, о дожде или о еде.

— Изумительно! — восклицали они без перерыва, а вода капала у них с одежды, собираясь в лужицы под ногами.

— Какой прекрасный ребенок… И надо же, муссон! И еда!.. Что за ребенок!

Одна только Кульфи была спокойна. Она смотрела на крошечное создание у себя на руках, существо как будто пришедшее с другой планеты или найденное в лесу, нечто совершенно чуждое и странное. Глаза ребенка были закрыты, а пальчики крепко сжаты. Лицо у него было красное, а череп заостренный. Она глядела на его странный об-

лик и ощущала покой и довольствие. Скоро буря уляжется, и мир сделается тихим и душистым, воздух станет нежным, как сон. Вода станет мутной и мягкой. Двери разбухнут, и, открыв, их нельзя будет закрыть, а закрыв — открыть. Грибок и плесень прорастут зелено и пышно, и армии грибов появятся в шкафчике под мойкой.

Пытаясь приобщить Кульфи к общему веселью, соседи убеждали ее, что ее сыну предназначено величие, что большой и загадочный мир за пределами Шахкота его заметил.

— Смотрите! Даже народ Швеции не забыл послать подарок на день рождения!

Или:

— Назовем его Сампат, — говорили они. — Это значит "удача".

Ибо если он и не был самым упитанным или самым красивым, он был триумфально и безоговорочно мужского пола.

Так они радовались и закусывали продуктами из посылки с гуманитарной помощью — при свечах, так как электричество, конечно, отключилось.

Глава 2

Двадцать лет спустя в том же самом доме и той же комнате встревоженный Сампат Чавла с тонкими, как у паука, ногами и руками лежал без сна под потолочным вентилятором. Тот бился и раскачивался над ним, производя шум, похожий на бурю, хотя Сампат чувствовал только самое слабое движение воздуха над пальцами ног.

Вокруг него лежала и храпела вся семья: отец, мать, бабушка и младшая сестра, Пинки, закутанная в массу органзы в цветочек. Х-р-р-р. Х-р-р. Г-р-р. Х-х-х-х. Х-р-р. Что за шум! Сампат прислушивался к каждому враждебному вдоху. Вот ведь и во сне, думал он с отвращением, его семья выказывает неспособность проявить участие к другим людям. Как всегда, думая только о себе, они шумно шли сонными тропами, заставляя Сампата метаться без сна. Даже мать, которую он любил больше всех, забыла о нем во сне.

Он нетерпеливо брыкнул ногой в воздухе.

— Ш-ш-ш! — сказал он вслух, но это был тихий, грустный звук, и они не обратили внимания.

Х-х-х. Х-р-р. Х-р-р. Досадно, что у них недостаточно денег, чтобы у каждого была своя комната и свой вентилятор. Однако, решил Сампат, для своего же блага лучше подавить раздражение. Хотя его семья и не способна соблю-